

АКТОРЫ ЗАПРОСА НА ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ПЕРЕМЕНЫ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ (СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ)

ЛАТОВА НАТАЛИЯ ВАЛЕРЬЕВНА,

*кандидат социологических наук, старший научный сотрудник,
Институт социологии ФНИСЦ РАН,
Москва, Россия,
e-mail: myshona@rambler.ru*

Цитирование: *Латова, Н. В. (2019). Акторы запроса на институциональные перемены в современной России (социально-психологический контекст) // Journal of Institutional Studies, 11(3), 119-134. DOI: 10.17835/2076-6297.2019.11.3.119-134*

На материалах мониторингового исследования ИС РАН в апреле 2018 г. проводится сравнение социально-психологических характеристик двух групп современных россиян – сторонников институциональных изменений (перемен) и приверженцев стабильности. Анализ основан на подходе, предложенном Т. Гарром, автором классического исследования «Почему люди бунтуют», согласно которому протестные общественные настроения, связанные с желанием качественных институциональных изменений, обусловлены, прежде всего, социально-психологическими факторами (в первую очередь, относительной депривацией). Показано, что в современной России сторонники перемен действительно сильнее приверженцев стабильности фрустрированы своим социальным статусом. Кроме того, у сторонников перемен несколько шире набор жизненных планов, они чаще приверженцев стабильности хотели бы достичь неординарного успеха в жизни. В то же время им относительно реже удавалось в прошлом реализовывать желаемые жизненные модели. Сторонники и противники институциональных изменений по-разному воспринимают общественные процессы, происходящие в стране: сторонники перемен менее склонны оценивать уже произошедшие в стране изменения как позитивные, а будущие перспективы рисуются им в более мрачных тонах, чем приверженцам стабильности. Отмеченные тенденции характеризуют рост предпосылок для очередного качественного изменения «правил игры» в России, но пока они соответствуют ситуации не острой фазы национального кризиса, а скорее ситуации неопределенности, ожидания новых событий.

Ключевые слова: *институциональные изменения; запрос на перемены; мироощущение; субъективная справедливость; жизненные планы; сторонники перемен; приверженцы стабильности; относительная депривация.*

Благодарности: *Статья подготовлена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, грант РФФИ, № 19-011-00277, «Социальная трансформация российского общества: акторы запроса на перемены».*

THE ACTORS OF THE REQUEST FOR INSTITUTIONAL CHANGES IN MODERN RUSSIA (THE SOCIO-PSYCHOLOGICAL CONTEXT)

NATALIYA V. LATOVA,

*Cand. Sci. (Sociology), Senior Researcher,
Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology RAS,
Moscow, Russia,
e-mail: myshona@rambler.ru*

Citation: *Latova, N. V. (2019). The Actors of the Request for Institutional Changes in Modern Russia (the Socio-Psychological Context). Journal of Institutional Studies, 11(3), 119-134. DOI: 10.17835/2076-6297.2019.11.3.119-134*

On the basis of the FCTAS RAS monitoring study (April 2018), the socio-psychological characteristics of the two groups modern Russians – supporters of institutional change and supporters of stability – are compared. The analysis is based on the approach proposed by T. Garr, the author of the classic study "Why people rebel", according to which the protest public sentiment associated with the desire for qualitative institutional change, due primarily to socio-psychological factors (primarily, relative deprivation). It is shown that in modern Russia supporters of change are really more frustrated by their social status than supporters of stability. In addition, the supporters of change have wider set of life plans, they are eager to achieve extraordinary success in life than the supporters of stability. At the same time, they more rarely realized desired life models in the past. Supporters and opponents of institutional change perceive the social processes taking place in the country differently: supporters of change are less rated already occurred changes in the country as positive and future perspectives are drawn to them in darker colors than to the supporters of stability. These trends characterize the growth of prerequisites for the next qualitative change in the "rules of the game" in Russia, but they do not correspond to the situation of the acute phase of the national crisis, but rather to the situation of uncertainty, expectation of new events.

Keywords: *request for change; attitude; subjective justice; life plans; supporters of change; adherents of stability; relative deprivation.*

JEL: *B52, D71, D91, Z13*

Acknowledgements: *This article has been prepared with financial support from the Russian Foundation for Basic Research under Project No. 19-011-00277, Social transformation of the Russian society: the actors of the request for changes.*

Постановка исследовательской задачи

В последнее время в российском научном дискурсе актуализировалась проблема анализа «запроса на перемены». Эта проблема связана с пост-советскими институциональными изменениями, качественной трансформацией и модернизацией российского общества, которые в российской науке изучаются уже почти 30 лет. Однако только в последние два-три года в изучении этой темы наметился новый тренд. Если раньше речь шла в основном о том, что общество меняется вследствие целенаправленных действий российского правительства, то теперь акцент сместился к анализу неправительственных акторов и действий. Речь идет об изучении формирования

социальной общности людей, заинтересованных в качественных институциональных изменениях (переменах) и способных к активному социальному действию (Мерзликун и Ростовская, 2018; Дмитриев, Никольская и Белановский, 2018; Мамонов, Гаврилов и Вядро, 2018; Волков и Колесников, 2017).

При обсуждении «запроса на перемены» надо учитывать, что этот термин, активно используемый в современной России в самых различных дискурсах, неявно задает определенную идеологическую (критическую по отношению к существующему политическому режиму) ориентацию обсуждения проблемы желательных изменений «правил игры» в стране. Данный термин восходит к очень популярной песне конца 1980-х «Хочу перемен» Виктора Цоя, ставшей одним из символов движения за либеральную радикализацию «перестройки». На протяжении 2000–2010-х гг. использование понятия «перемены» устойчиво воспроизводилось именно в рамках либерально-оппозиционного дискурса (вплоть до объявления в 2008 г. песни Цоя гимном оппозиционного движения «Солидарность»). В результате современное изучение общественного «запроса на перемены» фактически стало завуалированной формой обсуждения именно стремления общества к институциональным изменениям, качественно меняющим сложившиеся в России социально-экономические и политические «правила игры». Такая интерпретация данного термина, отождествляющая его с концептом «институциональные изменения», подтверждается и тем, что за более чем 30 лет его активного использования никто из обществоведов даже не пытался создать специальную «теорию перемен», поскольку существующие теории институциональных изменений вполне достаточны для теоретического осмысления «запроса на перемены».

В большинстве исследований на эту тему рассматриваются соотношение понятий «стабильность» и «перемены», проблемные общественные сферы, связь новых тенденций с электоральным поведением граждан и их (не)одобрением деятельности президента, и т.д. В то же время аналитики гораздо реже ставят перед собой цель – изучить саму социальную общность россиян, выступающих за необходимость качественных преобразований «правил игры», противопоставив им сторонников стабильности.

Между тем социально-психологические характеристики акторов запроса на перемены в современной России, как правило, за рамками исследований. Единственный пример такого рода анализа – доклад Комитета гражданских инициатив, в котором была предпринята попытка изучить личностные профили оппонентов государственной политики по данным социальных сетей (Дмитриев, Белановский и Никольская, 2018). Эта попытка рассматривалась авторами доклада в качестве пилотного исследования, причем ее результаты оказались представлены в аналитическом материале настолько поверхностно, что не дают возможности оценить полезность и корректность полученного материала.

В то же время связь социально-психологических характеристик граждан с их участием в протестном движении (как одном из проявлений запроса на изменение «правил игры») – тема отнюдь не новая. Среди научных направлений, изучающих феномен политического протеста, следует обратить внимание на социологические теории революции, внутри которых выделяется блок теорий, основанных на концепции относительной депривации (Davies, 1962; Geschwender, 1968; Morrison, 1971)¹. Один из классических подходов в рамках данной теории предложен почти полвека назад американским социологом Тедом Робертом Гарром в монографии «Почему люди бунтуют» (Gurr, 1970; Gurr, 2005). В центре его подхода находились социально-психологические факторы, активизирующие относительную депривацию² и приводящие к политическому насилию. В 1980-е гг. этот

¹ Практически сразу после возникновения этих теорий они подверглись значительной критике со стороны академического сообщества; тем не менее, у них все также много сторонников и их значимость с определенными поправками признается многими исследователями (Sayles, 1984; Dudley and Miller, 1998; Smith, Pettigrew and Pippin, 2012).

² Относительная депривация описывается Т. Гарром как воспринимаемая разница между ценностными ожиданиями (вещами и условиями жизни, которых, как полагают люди, они заслуживают по справедливости) и ценностными возможностями (вещами и условиями, которые они в действительности могут получить) (Гарр, 2005: 51–52).

ученый сконцентрировал свое внимание на этнических группах, поэтому в современной зарубежной литературе данный подход пользуется популярностью при изучении разного рода конфликтных ситуаций в основном этнополитического характера (*Burg, 2015; Vadlamannati, 2011; Saxton, 2005*), хотя подход Т. Р. Гарра встречается и в работах, связанных с анализом социально-политического протеста (*Newton, 1980; Okata, 2003; Nassimova, Abdigalieva and Bassygariyeva, 2016; Bartusevičius, 2019*). Несмотря на некоторые корректировки в самом подходе, обусловленные изменяющимися реалиями и влиянием новых концепций, Т. Р. Гарр и в XXI в. сохраняет неизменным свой главный аналитический посыл: «именно люди – со всеми их разнообразными идентичностями, желаниями и убеждениями – должны быть центром анализа конфликта» (*Garr, 2005: 31; Gurr, 2012*). Следует подчеркнуть, что при изучении «человеческих качеств», которые существенно влияют на желание институциональных перемен, Гарр рассматривает не индивидуально-психологические (темперамент, нервную возбудимость, скорость мышления и т.д.), а социально-психологические характеристики, обусловленные взаимодействием индивидов с социумом. Именно эта концепция важности социально-психологических характеристик индивидов при изучении их недовольства существующими в обществе «правилами игры» и легла в основу нашего дальнейшего анализа запроса на институциональные переменные в современном российском обществе.

Методика исследования

Эмпирическая база исследования – данные всероссийского мониторинга «Динамика социальной трансформации современной России в социально-экономическом, политическом, социокультурном и этнорелигиозном контекстах» (восьмая волна), проведенного в апреле 2018 г. Институтом социологии РАН. Опрос охватил 4000 россиян в возрасте от 18 лет и старше, жителей всех типов поселений и территориально-экономических районов РФ, представлявших основные социально-профессиональные группы населения³.

Для целей нашего анализа на основе вопроса о желательности перемен в жизни страны все респонденты были разделены на две группы: ответившие «Да, страна нуждается в существенных переменах, нужны новые реформы в экономической и политической жизни страны» отнесены к группе сторонников перемен, в то время как посчитавшие, что «Страна нуждается в стабильности, это важнее, чем перемены», составили группу приверженцев стабильности. В целом среди всех респондентов оказалось 2221 (56%) сторонников перемен, в то время как приверженцами стабильности – 1779 россиян (44%)⁴.

Для начала определимся с тем, каковы социально-демографические характеристики сторонников институциональных перемен в России и их оппонентов (табл. 1).

Итак, как показывает статистика, «совокупные портреты» стремящихся к институциональным переменам и предпочитающих стабильность обладают очень близкими социально-демографическими характеристиками. Выбор между переменами и стабильностью оказался никак не связанным с типом поселения, хотя прослеживаются определенные (и вполне ожидаемые) возрастные и имущественные закономерности. Так, среди сторонников перемен в сравнении с приверженцами стабильности несколько выше доля молодежи (26% против 21%), а также тех, кто оценивает свое материальное положение как плохое (соответственно 26% против 19%). Как известно, молодежь всегда более радикальна и склонна пробовать что-то новое, а бедным «нечего терять,

³ Использованы базы мониторингового исследования Института социологии ФНИСЦ РАН «Динамика социальной трансформации современной России в социально-экономическом, политическом, социокультурном и этнорелигиозном контекстах», созданные при финансовой поддержке РНФ.

⁴ Термин «перемены», который широко используется в современном российском общественном дискурсе (включая социологические опросы), формально означает любые существенные изменения, не обязательно ведущие к качественному изменению «правил игры». Однако общий контекст использования этого понятия с 1980-х гг. таков, что он однозначно связан с радикальными институциональными изменениями, «взрывающими» традиционные социально-экономические и политические правила, диктуемые властями. Поэтому дискурс о «переменах» на протяжении всех 1980–2010-х гг. фактически являлся одной из форм популярного обсуждения именно институциональных изменений.

кроме своих цепей». Однако следует обратить внимание на то, что выделенные различия не слишком велики. На основе этих данных напрашивается вывод, что «запрос на перемены» относительно равномерно распределен в российском обществе.

Таблица 1

**Социально-демографические характеристики сторонников
и противников существенных перемен в жизни России, %**

Социально-демографические характеристики		Сторонники перемен	Сторонники стабильности
Возраст	18–30 лет	26	21
	31–40 лет	24	24
	41–50 лет	20	21
	51–60 лет	14	15
	Старше 60	16	20
Материальное положение	Хорошо	13	19
	Удовлетворительно	62	62
	Плохо	26	19
Тип поселения	Мегаполис	11	11
	Областной центр	31	27
	Районный центр	31	32
	ПТ и село	28	31

Если нельзя сказать, что сторонников перемен преимущественно генерирует какой-то объективный социально-демографический признак, то можно выдвинуть гипотезу, что желание/нежелание перемен зависит, прежде всего, от субъективных характеристик россиян. Чтобы это доказать, надо найти такие субъективные характеристики респондентов, наличие или отсутствие которых будет сконцентрировано либо в группе желающих институциональные перемены, либо в группе приверженцев стабильности. Попробуем же составить портрет сторонников перемен (акторов запроса на институциональные перемены), обращая основное внимание на их следующие социально-психологические характеристики.

1. Мироощущение.

Чувства и переживания отдельных людей создают такие состояния общественного сознания, которые в итоге либо провоцирует эскалацию кризисной ситуации (приводя к панике или к массовым протестным выступлениям), либо способствует постепенному неагрессивному решению проблем. Необходимость комплексного подхода к изучению российских реалий определяет и многоаспектность анализа мироощущения россиян – их восприятия ситуации в целом в стране («дальняя зона комфортности» своего бытия), ближайшей среды общения («средняя зона комфортности») и, наконец, их собственного эмоционально-психологического состояния («личная комфортность») (Латова, 2015).

2. Социальная справедливость.

На значимость данной культурно-ценностной характеристики для россиян в целом указывает ее лидирующая позиция в представлениях граждан страны о желаемом будущем России на протяжении последних лет (Петухов, 2019). Отметим, что при этом справедливость уже давно не воспринимается россиянами в духе уравниловки, а понимается как учет реальных достоинств человека. При таком подходе закономерно, что удовлетворённость населения своим социальным статусом (оценка его справедливости) крайне важна для обеспечения социально-политической стабильности общества и для легитимности власти в глазах населения.

3. Жизненные планы.

В современной отечественной науке проблема жизненных планов изучается чаще всего в привязке к молодежной среде, а в опросах исследовательских центров эта

тема трансформируется в изучение горизонта планирования. Оба подхода связаны с анализом общественного развития, однако не затрагивают важный аспект – успешность, реализуемость жизненных планов. В то же время еще в начале 2000-х гг. жизненные планы рассматривались в ракурсе «принудительного аскетизма» (Гудков, Дубин и Зоркая, 2008), их не-реализация связывалась как в общественном сознании, так и в научном дискурсе с понятием «застой» (Паутова, 2007). Такой подход к данной характеристике социально-психологического состояния человека демонстрирует ее важность в понимании взаимодействия человека и власти.

Анализ мироощущения сторонников институциональных перемен

Для начала обратимся к восприятию населением ситуации в стране в целом и его оценкам произошедших перемен, а также перспектив России в ближайший год, то есть рассмотрим «дальнюю зону комфорта». Восприятие этой зоны во многом связано с отношением к тому курсу, которым идет страна, точнее – с поддержкой/осуждением населением этого курса.

В 2018 г., после явного завершения экономического кризиса 2014–2016 гг., восприятие ситуации в стране как нормальной и спокойной вернулось к «обычному» уровню: так ее оценивают порядка 43–44% россиян, как и накануне экономического кризиса 2008–2009 гг. или после спада массовых протестов 2011–2012 гг. (*Российское общество после президентских выборов*, 2018). Такая ситуация относительного спокойствия благоприятна для анализа специфики ее восприятия со стороны сторонников институциональных перемен и приверженцев стабильности (табл. 2).

Таблица 2

Оценки ситуации в России сторонниками перемен и приверженцами стабильности, %

Варианты оценки	В России		В регионе		В муниципальном образовании	
	Сторонники перемен	Сторонники стабильности	Сторонники перемен	Сторонники стабильности	Сторонники перемен	Сторонники стабильности
Ситуация нормальная, спокойная	32	47	43	60	49	67
Ситуация напряженная, кризисная	53	39	43	28	36	23
Ситуация катастрофическая	9	3	8	3	10	4
Затруднились ответить	7	12	6	9	5	6

Примечание: Фоном выделены ячейки, показатели в которых превышают все остальные в данной группе.

Общая закономерность у обеих групп россиян – дифференциация оценок респондентами ситуации на разных уровнях (страна, регион, муниципальное образование). Чем ближе ситуация, которую просили оценить, к непосредственному опыту респондента, тем более позитивными становились их оценки. Однако на фоне этой общей закономерности наблюдается и значимая специфика в оценке степени напряженности ситуации: сторонники перемен на всех уровнях оценивали ситуацию заметно (с разрывом в 15–18 процентных пунктов) хуже, чем приверженцы стабильности. Например, даже на самом близком им уровне – муниципальное образование – только

49% сторонников перемен оценили ситуацию как нормальную, спокойную, в то время как среди приверженцев стабильности таковых оказалось 67%.

Наконец, обратим внимание на преобладающие оценки в каждой группе по ситуации в стране в целом, а также в регионе/месте проживания. У приверженцев стабильности, как и следовало ожидать, на всех уровнях чаще всего наблюдалась позитивная оценка (ситуация нормальная, спокойная). Сторонники же институциональных перемен оценили в основном позитивно только ситуацию в муниципальном образовании, в то время как в своем регионе они уже посчитали ситуацию неопределенной (43% оценили ее как нормальную, и 43% – как напряженную). Что же касается ситуации в стране, то в данном вопросе мнения сторонников перемен и приверженцев стабильности разошлось: первые чаще считали, что ситуация в стране напряженная (53%), а вторые высказались более оптимистично (47% отметили, что ситуация нормальная).

Восприятие «дальней зоны комфортности» также напрямую связано с оценкой населением произошедших в стране институциональных изменений и с тем, какие перспективы ожидаются россиянами в будущем (рис. 1).

Рис. 1. Оценки перемен, произошедших в России за последний год, и перспектив развития России в ближайший год среди сторонников перемен и приверженцев стабильности, %

Как и в предыдущем случае, мы наблюдаем общую особенность у респондентов двух групп, которая теперь выражается в том, что все россияне более позитивно оценивают прошлое, чем будущее. Но и здесь мироощущение сторонников институциональных перемен оказывается пессимистичнее: прошлые перемены реже видятся им в качестве хороших, а будущие перспективы менее позитивны. Более того, если в группе приверженцев стабильности доля оценивающих произошедшие и будущие изменения как плохие довольно незначительна (менее четверти респондентов и в том, и в другом случае), то среди сторонников перемен эта доля достигает примерно 40% по каждому из вопросов.

Подводя итог анализу «дальней зоны комфортности», констатируем, что *россияне, выступающие за перемены, существенно чаще воспринимают окружающую их действительность если и не тотально негативно, то, по крайней мере, с большой долей пессимизма.* Закономерно возникает вопрос о том, не проецируется ли на их видение ситуации в стране в первую очередь *личное* психологическое самочувствие респондентов.

Для ответа на этот вопрос обратимся к анализу «средней зоны комфортности» и «личной комфортности».

Сначала изучим «среднюю зону комфортности» жизни россиян (табл. 3) – проанализируем их мнения о психологическом состоянии ближайшего окружения, т.е. тех людей, которые чаще всего окружают их в повседневной жизни (родственники, друзья, коллеги по работе).

Таблица 3

Оценки сторонниками перемен и приверженцами стабильности социально-психологического состояния окружающих их людей, %

Варианты состояний	Сторонники перемен	Сторонники стабильности
Позитивное социально-психологическое состояние, в том числе:	44	47
Эмоциональный подъем	7	7
Спокойствие, уравновешенность	37	40
Негативное социально-психологическое состояние, в том числе:	56	53
Безразличие, апатия	18	19
Тревога	21	19
Раздраженность, озлобленность, агрессия	17	15

В «средней зоне комфортности» различия между представителями двух групп россиян минимальные (на уровне статистической погрешности). Крайние позиции (эмоциональный подъем, а также озлобленность и агрессия) полностью совпадают. Этот вывод – свидетельство полного отсутствия влияния социально-психологического состояния окружающих людей на формирование «запроса на перемены». По-видимому, сторонники перемен выступают за данный курс развития страны не потому, что в их личном окружении «котел перегрелся», а по другим – в первую очередь, внутренним – мотивам.

Сделанный вывод подтверждается и оценками у сторонников перемен и приверженцев стабильности своего личного социально-психологического состояния, т.е. «личной комфортности» (табл. 4). При том, что в целом у приверженцев стабильности социально-психологическое состояние более позитивное, чем у их оппонентов, однако различия в состояниях минимальны (самое большое различие в 4 процентных пункта наблюдается по позиции «тревога, страх»).

Таким образом, комплексный анализ мироощущения сторонников институциональных перемен показал, что личное социально-психологическое состояние и социально-психологическое состояние окружающих людей не являются определяющими в современной России факторами в вопросе ориентации на перемены или стабильность. Конечно, чем хуже человек себя ощущает и чем больше негатива в его окружении, тем больше его желание что-то изменить. Тем не менее, при отсутствии других внешних факторов люди в таких обстоятельствах скорее сами меняют что-то в своей личной жизни, чем требуют изменения «правил игры» в жизни страны.

Таблица 4

**Оценки сторонниками перемен и приверженцами стабильности
личного социально-психологического состояния, %**

Варианты состояний	Сторонники перемен	Сторонники стабильности
<i>Позитивное социально-психологическое состояние, в том числе:</i>	58	63
Эмоциональный подъем	12	14
Спокойствие, уравновешенность	46	49
<i>Негативное социально-психологическое состояние, в том числе:</i>	42	37
Безразличие, апатия, подавленность	12	13
Тревога, страх	22	18
Раздраженность, озлобленность, агрессия	8	6

Если отвергается предположение, что желание перемен – проекция в первую очередь личных психологических проблем, то напрашивается вывод, что «запрос на перемень», сформировавшийся у примерно половины населения страны, имеет в своей основе скорее социально-политические обстоятельства – неодобрение того курса, которым развивается страна. Даже отмечая, что в посткризисной России произошли перемены к лучшему, тем не менее, сторонники институциональных перемен не видят возможности успешного ее развития в будущем. Как результат – у них довольно пессимистическая оценка ситуации в России в целом.

**Восприятие сторонниками институциональных перемен
социальной справедливости**

Одна из важнейших проблем социально-психологической характеристики общественного сознания современных россиян – это восприятие социальной справедливости. Данную проблему изучают посредством как прямых вопросов о справедливости общественных явлений и процессов, так и через субъективное восприятие респондентами места в вертикальной иерархии. Первый тип вопросов определяет скорее отношение респондента к различным видам неравенства, а второй вопрос – наличие у человека фрустрации, переживания неудачи.

Остановимся более подробно на восприятии своей статусной позиции сторонниками перемен и приверженцами стабильности. Для получения информации о субъективном восприятии своего места в вертикальной иерархии обратимся к двум оценкам. Первая касается того места в вертикальной иерархии, которое, по собственному мнению респондента, он занимает в настоящий момент, в то время как вторая показывает место в той же иерархии, положенное ему (как он считает) по справедливости.

Заметим, что статус по справедливости и желаемый статус не идентичны. Как отмечает Тихонова Н. Е.: «Желаемый социальный статус – это далеко не то же самое, что тот статус, на который человек реально претендует и отсутствие которого он воспринимает обычно очень болезненно... Запросы россиян, если говорить о том месте в обществе, которое положено им “по справедливости”, сложно назвать чрезмерными» (Тихонова, 2018). Важность этого замечания заключается как в констатации значимости данных субъективных оценок для социально-психологического настроения личности, так и на высокую достоверность уровня притязаний респондентов.

Для измерения субъективного социального статуса были использованы графические тесты – 10-ступенчатая шкала социальных статусов («лестница социальных статусов» или «социальная лестница»)⁵. Чтобы выявить наличие у респондентов фрустрации, а также определить ее степень, вычислим разницу между оценкой статуса по справедливости и оценкой реального места в вертикальной иерархии. Исходя из масштаба шкалы,

⁵ От 1, обозначающей высокое положение на «социальной лестнице», до 10 для самого низкого положения в вертикальной иерархии.

наличие фрустрации будет определяться отрицательным значением разницы двух оценок, ноль – свидетельство того, что респондент считает свой нынешний социальный статус справедливым, а положительная разница – фиксация респондентом факта незаслуженного успеха.

Средний балл восприятия статусной позиции у сторонников перемен $-1,79$, а у приверженцев стабильности $-1,44$. Сравнительный анализ по t-критерию Стьюдента средних показателей социальной несправедливости выявил достоверные различия для $p < 0,001$. Таким образом, в обеих группах россиян в среднем преобладает состояние невысокой фрустрации, однако сторонники институциональных перемен ощущают несправедливость вертикальной иерархии несколько сильнее, чем приверженцы стабильности.

Для более полной картины различий в ощущении несправедливости вертикальной иерархии в двух изучаемых группах россиян сгруппируем разницу между оценкой статуса по справедливости и оценкой реального места в вертикальной иерархии по степени ее проявления (табл. 1).

Таблица 5

**Субъективное восприятие несправедливости социального статуса
сторонниками перемен и приверженцами стабильности, %**

Степень несправедливости	Сторонники перемен	Сторонники стабильности
Высокая (разница 7–9 баллов)	1	1
Средняя (разница 4–6 баллов)	15	8
Низкая (разница 1–3 балла)	56 (19–22–15) ⁶	56 (23–20–13)
Справедливость (отсутствие несправедливости)	25	32
Незаслуженный успех	3	3

Крайние позиции (высокая степень несправедливости и незаслуженный успех) выражены в обеих группах россиян одинаково и по совокупности не превышают 5%. Первоначально кажется, что нет различий и в ощущении низкой степени несправедливости (так воспринимают свой социальный статус большинство россиян – по 56% в каждой группе). Однако в группе сторонников институциональных перемен наблюдается некоторое смещение к ощущению более высокой несправедливости: разница в 2 и 3 балла (ступени) фиксируется у них чаще, чем среди приверженцев стабильности. Наконец, самое существенное различие наблюдается при сопоставлении ощущения у респондентов справедливости и средней степени несправедливости относительно их социального статуса. Так, сторонники перемен почти в 2 раза чаще полагают, что занимаемое ими место в вертикальной иерархии в средней степени является несправедливым (среди них разницу в 4–6 ступеней отметили 15% против 8% в группе приверженцев стабильности).

В целом анализ субъективного социального статуса показал, что *все россияне умеренно фрустрированы своим местом в обществе, но при этом глубина фрустрации больше у сторонников институциональных перемен, чем приверженцев стабильности. Различия при этом наблюдаются в основном за счет тех респондентов, для которых характерна средняя степень ощущения несправедливости их места в вертикальной иерархии.*

Жизненные планы сторонников институциональных перемен

Другая важная социально-психологическая характеристика – намерение прожить жизнь определенным образом, реализовать конкретные задачи и добиться поставленных целей, т.е. жизненные планы.

⁶ В скобках представлена доля россиян, указавших разницу в 1–2–3 балла между занимаемым статусом и местом, положенным им, как они думают, по справедливости.

Как и субъективный социальный статус, жизненные планы – мощный фактор, формирующий поведение человека. В зависимости от наличия или отсутствия планов у человека формируется жизненная позиция, а отсутствие возможностей претворить планы в жизнь приводит к ощущению неудачи. Таким образом, попытаемся определить, есть ли различие между сторонниками институциональных перемен и приверженцами стабильности «правил игры» в их жизненных планах и в успешности реализации этих планов.

В анкете россиянам предлагался закрытый вопрос, как респонденты оценивают свои возможности добиться целей в различных сферах жизни. Меню ответов на данный вопрос строилось так, что давало информацию, входит ли та или иная позиция в жизненный план респондента, а если входит, то удалось ли ему уже добиться желаемого.

Рассмотрим, чего современные россияне хотят добиться в своей жизни и насколько их планы удается реализовать (табл. 6).

Таблица 6

**Жизненные планы и достижение желаемых целей
сторонниками перемен и приверженцами стабильности, %**

Желаемые цели	Жизненные планы		Уже добились	
	Сторонники перемен	Сторонники стабильности	Сторонники перемен	Сторонники стабильности
Планы «комфортного микромира»				
Создать счастливую семью	97	97	62	68
Воспитать хороших детей	97	98	53	57
Иметь надежных друзей	97	97	76	77
Честно прожить свою жизнь	97	97	65	72
Иметь свою отдельную квартиру / дом	97	99	62	67
Хорошо зарабатывать	95	93	13	17
Жить не хуже других	95	97	40	49
Иметь интересную работу	94	92	40	47
Заниматься любимым делом	93	90	37	42
Стать профессионалом в своем деле	93	92	41	48
Иметь много свободного времени и проводить его в свое удовольствие	88	86	21	25
Получить хорошее образование	85	81	47	50
Получить престижную работу	85	80	22	28
Планы на успех				
Побывать в разных странах мира	81	77	10	11
Стать богатым человеком	66	61	2	2
Сделать карьеру (профессиональную, политическую или общественную)	66	61	14	16
Влиять на то, что происходит в обществе или том месте, где Вы живете	51	45	7	8
Иметь собственный бизнес	49	44	4	4
Попасть в определенный круг людей	46	42	10	12
Планы на элитность				
Иметь доступ к власти	28	28	5	5
Стать знаменитым	25	25	2	3

Примечание: Фоном выделены ячейки, показатели в которых отличаются не менее чем на 5 процентных пунктов.

В целом жизненные планы, в зависимости от популярности разных жизненных сфер в ответах россиян, можно разделить на несколько блоков. Первый и самый большой – это желание просто «комфортного микромира» (их выбрали не менее 80% россиян), второй – планы на неординарный успех, потребности более высокого «эшелона» (сферы жизни, которые выбрали не менее 45% и не более 79% респондентов), третий – планы на гипер-успех, элитность, связанные с редко выбираемыми областями жизни (их выбрали менее 45% человек).

В первый, самый большой блок, попадают сферы, ориентированные на личную жизнь (семья, друзья), а также основные сферы, связанные с базовым материальным достатком (жилье, заработок), с трудом (работа, образование, профессионализм) и с отдыхом. Второй блок – это сферы, связанные уже не просто с «хорошей жизнью», но с явными выдающимися успехами (богатство, карьера, влияние, собственный бизнес, особый круг людей). Наконец, третий блок – такие сферы, которые дают возможность не просто добиться выдающегося успеха, но и войти в элиту (власть и знаменитость). В целом градация жизненных планов россиян – вполне обычная и ожидаемая. Она не обладает специфическими отличиями от того, что уже много раз было отмечено в академической литературе.

Рассмотрим, как в этой дифференциации жизненных планов проявляются особенности двух изучаемых нами групп россиян – сторонников и противников институциональных изменений.

Отметим, что в целом жизненные планы сторонников перемен несколько более разнообразны, чем приверженцев стабильности. Среди сторонников перемен по 13-ти позициям доля тех, кто их указал в своих жизненных планах, превысила аналогичный показатель среди их оппонентов, хотя превышение в некоторых случаях было незначительным (1–2 процентных пункта). Особо выделяются 5 позиций, по которым различия достигали не менее 5 процентных пунктов: это – престижная работа, богатство, карьера, влияние и собственный бизнес. Практически все это (кроме престижной работы) – сферы из «эшелона», ориентированные на достижение успеха в жизни. Таким образом, различие между сторонниками институциональных перемен и приверженцами стабильности «правил игры» в их жизненных планах заключается в том, что ориентированные на изменения россияне несколько чаще, чем ориентированные на стабильность, хотят не просто «хорошо» прожить свою жизнь, но и добиться при этом заметного успеха, достичь высокого уровня, выделиться из «толпы».

Особое внимание вызывает позиция «влиять на то, что происходит в обществе или в том месте, где Вы живете». Именно она связана с гражданским активизмом и может свидетельствовать не только о «запросе на перемены», но и о готовности участвовать в этих переменных. Интересно, что по данной позиции наблюдается самое существенное различие (6 процентных пунктов) между сторонниками перемен и приверженцами стабильности. В то время как у приверженцев стабильности позиция «влияние» оказывается на грани выпадения из второго «эшелона», более чем каждый второй сторонник институциональных перемен включал ее в свой жизненный план⁷.

Что же касается тех жизненных планов, которые россияне уже реализовали, то здесь различия гораздо сильнее. Во-первых, приверженцы стабильности «правил игры» хотя бы немного более успешны в реализации *всех* жизненных планов (нет ни одной позиции, по которой доля сторонников перемен превысила бы долю приверженцев стабильности в этом вопросе). Во-вторых, уже по 8-ми позициям доля реализовавших планы приверженцев стабильности оказалась на 5 процентных пунктов больше, чем доля реализовавших эти планы сторонников перемен. Абсолютно все эти 8 позиций – из первого блока, т.е. из базовых для россиян сфер жизни. Наконец, в-третьих, по одной позиции – «жить не хуже других» – максимальное различие между двумя группами

⁷ Правда, это отличие не следует гиперболизировать: желание «влиять» входит в жизненные планы сторонников перемен лишь на 13% чаще, чем в жизненные планы приверженцев стабильности.

россиян достигает уже 9 процентных пунктов. Это значит, что сторонникам стабильности «правил игры» удастся на 23% чаще, чем сторонникам институциональных перемен, реализовывать эту интегральную цель, которая наиболее комплексно отражает социально-психологическое восприятие того, как складывается жизнь респондента.

Итак, анализ тех жизненных планов, которые уже реализованы, выявил у сторонников институциональных перемен существенные проблемы в достижимости желаемого на уровне их микромира, которые в совокупности создают ощущение того, что их жизнь складывается хуже, чем у других россиян.

Заключение

Подведем общие итоги выявления детерминант желания институциональных перемен по результатам анализа трех аспектов социально-психологических характеристик (мироощущения, ощущения реализации социальной справедливости и жизненных планов).

По показателям личного социально-психологического самочувствия и социально-психологического состояния окружающих людей различий между сторонниками институциональных перемен и приверженцами стабильности «правил игры» не наблюдается. Это означает, что запрос на перемены – это не результат поверхностных психологических настроений, он имеет в своей основе более глубинные причины. В то же время эти две группы россиян по-разному воспринимают общественные процессы, происходящие в стране: сторонники перемен менее склонны оценивать уже произошедшие в стране изменения как позитивные, а будущие перспективы рисуются им в более мрачных тонах, чем приверженцам стабильности. Такого рода мироощущение сочетается с рядом факторов относительной депривации, среди которых важны субъективный социальный статус (его справедливость по мнению респондентов) и жизненные планы (набор жизненных целей и их реализованность).

Сторонники институциональных перемен несколько сильнее приверженцев стабильности фрустрированы своим социальным статусом. Различия наблюдаются как в оценке своего места в качестве справедливого на «социальной лестнице» (сторонники перемен дают такие оценки реже приверженцев стабильности), так и, особенно, в случае, когда справедливым они полагают место на 4–6 ступенек выше, чем в реальности (такую оценку сторонники перемен высказывают почти в 2 раза чаще, чем приверженцы стабильности).

Что касается жизненных планов, то у сторонников институциональных перемен набор их притязаний несколько шире. Они не только сконцентрированы на комфортности своего микромира, но и чаще приверженцев стабильности хотели бы достичь определенного успеха в жизни (не просто хорошо зарабатывать, но и стать богатым, не просто иметь интересную работу, но и сделать карьеру и т.д.). В то же время повседневная реальность такова, что на момент исследования сторонники перемен реже сообщали о том, что они уже достигли запланированных жизненных целей, чем их оппоненты, что является свидетельством отсутствия возможностей реализовывать желаемые жизненные модели. Иначе говоря, сторонники перемен желают большего, чем приверженцы стабильности, но достигают меньшего.

Возвращаясь к концепции Т. Р. Гарра, резюмируем, что есть определенные признаки, свидетельствующие о наличии в группе сторонников институциональных перемен относительной депривации. Тем не менее, отмеченные особенности пока еще определенно далеки от ситуации «кипящего котла». Конечно, когда существуют высокие и стабильные (или даже растущие) разрывы между ожиданиями и достижениями (то есть ожиданиями улучшения условий жизни, которые постоянно не выполняются), то это ведет, как минимум, к устойчивому росту недовольства (запроса на институциональные перемены). Однако существующие эмпирические данные показывают, что социально-

психологические детерминанты «бунтарского» поведения хотя и действуют, но различия между сторонниками институциональных перемен и приверженцами стабильности «правил игры» пока не слишком велики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Волков Д., Колесников А. (2017). Мы ждем перемен. Есть ли в России массовый спрос на изменения? М.: Московский Центр Карнеги. (<https://komitetgi.ru/news/news/3902/>).

Гарр Т. (2005). Почему люди бунтуют. СПб.: Питер.

Гудков Л., Дубин Б. и Зоркая Н. (2008). Постсоветский человек и гражданское общество. М.: Московская школа политических исследований. (http://www.levada.ru/sites/default/files/post-soviet_man.pdf).

Дмитриев М. Э., Никольская А. В., Белановский С. А. и Черепанова Е. В. (2018). Осенний перелом в сознании россиян: мимолетный всплеск или новая тенденция? М.: Фонд Либеральная миссия. (<http://www.liberal.ru/articles/7298>).

Дмитриев М. Э., Белановский С. А. и Никольская А. В. (2018). Признаки изменения общественных настроений и их возможные последствия. М.: Комитет гражданских инициатив. (<https://komitetgi.ru/news/news/3902/>).

Латова Н. (2015). Особенности кризисного социально-психологического состояния общества: от 1998-го к 2015-му // Российское общество и вызовы времени. Книга вторая / М. К. Горшков [и др.]; отв. ред. Горшков М. К., Петухов В. В. М.: Изд-во Весь Мир, с. 12–30.

Мамонов М. В., Гаврилов И. В. и Вядро М. А. (2018). Имитационные характеристики президентских выборов 2018 г. и их влияние на следующий электоральный цикл: результаты опросов общественного мнения // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены, № 4, с. 124–147. (<https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.4.08>).

Мерзликин Н. В. и Ростовская Т. К. (2018). Неопределенность и риски российской реальности: запрос на перемены // Известия Иркутского государственного университета. Серия Политология. Религиоведение, Т. 23, с. 71–79. (<https://doi.org/10.26516/2073-3380.2018.23.71>).

Паутова Л. (2007). Стабильность – 2007: оценки ситуации в России // Социальная реальность, № 9, с. 34–49. (<https://corp.fom.ru/uploads/socreal/post-296.pdf>).

Петухов В. В. (2019). Ученые записки ФНИСЦ РАН: материалы заседания Ученого совета (Москва, февраля 2019 г.). Выпуск второй. М.: ФНИСЦ РАН.

Российское общество после президентских выборов – 2018: запрос на перемены (2018). М. (http://www.isras.ru/rezume_ros_obschestvo_2018).

Тихонова Н. Е. (2018). Факторы жизненного успеха и социального статуса в сознании россиян // Вестник Института социологии, № 27, с. 11–43. (DOI: <https://doi.org/10.19181/vis.2018.27.4.536>).

Bartusevičius, H. (2019). A congruence analysis of the inequality–conflict nexus: Evidence from 16 cases // Conflict Management & Peace Science, 36(4), 339–358.

Burg, S. L. (2015). Identity, Grievances, and Popular Mobilization for Independence in Catalonia // Nationalism and Ethnic Politics, 21(3), 289–312. (DOI: [10.1080/13537113.2015.1063912](https://doi.org/10.1080/13537113.2015.1063912)).

Davies, J. C. (1962). Toward a Theory of Revolution // American Sociological Review, 27(1), 5–19.

Dudley, R. and Miller, R. A. (1998). Group Rebellion in the 1980s. // Journal of Conflict Resolution, 42(1), 77–96.

Geschwender, J. A. (1968). Explorations in the theory of social movements and revolutions // Social Forces, 47(2), 127–135.

Gurr, T. R. (1970). Why Men Rebel. Princeton, N.J.: Princeton University Press.

Gurr, T. R. (2012). Some Observations on Resistance and Revolution in Contemporary Africa // *Journal of Asian & African Studies*, 47(3), 279–290.

Morrison, D. E. (1971). Some Notes Toward Theory on Relative Deprivation, Social Movements, and Social Change // *American Behavioral Scientist*, 14(5), 675–690.

Nassimova, G., Abdigalieva, G. and Bassygarieva, Zh. (2016). Features of social and political protests in Kazakhstan // *SGEM 2016 International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences and Arts*, 153–160.

Newton, J. W., Mann, L. and Geary, D. (1980). Relative Deprivation, Dissatisfaction, and Militancy: A Field Study In A Protest Crowd // *Journal of Applied Social Psychology*, 10(5), 384–397.

Okata, F. E. (2003). *Is Iran ripe for a new revolution?* 2003. United States: Monterey, California. Naval Postgraduate School.

Saxton, G. (2005). Repression, Grievances, Mobilization, and Rebellion: A New Test of Gurr's Model of Ethnopolitical Rebellion // *International Interactions*, 31(1), 87–116.

Sayles, M. L. (1984). Relative Deprivation and Collective Protest: An Impoverished Theory? // *Sociological Inquiry*, 54(4), 449–465.

Smith, H. J., Pettigrew, T. F., Pippin, G. M. and Bialosiewicz, S. (2012). Relative Deprivation: A Theoretical and Meta-Analytic Review // *Personality & Social Psychology Review*, 16(3), 203–232.

Vadlamannati, K. (2011). Why Indian men rebel? Explaining armed rebellion in the northeastern states of India, 1970–2007 // *Journal of Peace Research*, 48(5), 605–619.

REFERENCES

Bartusevičius, H. (2019). A congruence analysis of the inequality–conflict nexus: Evidence from 16 cases. *Conflict Management & Peace Science*, 36(4), 339–358.

Burg, S. L. (2015). Identity, Grievances, and Popular Mobilization for Independence in Catalonia. *Nationalism and Ethnic Politics*, 21(3), 289–312. DOI: 10.1080/13537113.2015.1063912

Davies, J. C. (1962). Toward a Theory of Revolution. *American Sociological Review*, 27(1), 5–19.

Dmitriev, M., Nikolskaya, A., Belanovsky, S. and Cherepanova, E. (2018). *Autumn Change in the Minds of Russians: A Fleeting Surge or New Trend?* Moscow: Fond Liberalnaya Missiya (<http://www.liberal.ru/articles/7298>). (in Russian)

Dmitriev, M., Belanovsky, S. and Nikolskaya, A. (2018). *Signs of changes in public attitudes and their possible consequences*. Moscow: The Committee of Civil Initiatives. <https://komitetgi.ru/news/news/3902/> (in Russ)

Dudley, R. and Miller, R. A. (1998). Group Rebellion in the 1980s. *Journal of Conflict Resolution*, 42(1), 77–96.

Geschwender, J. A. (1968). Explorations in the theory of social movements and revolutions. *Social Forces*, 47(2), 127–135.

Gurr, T. R. (2005). *Why men rebel*. St Petersburg: Piter.

Gurr, T. R. (2012). Some Observations on Resistance and Revolution in Contemporary Africa. *Journal of Asian & African Studies*, 47(3), 279–290.

Gudkov L., Dubin B., and Zorkaya N. (2008). *Post-Soviet Man and Civil Society*. Moscow: MSPS. (http://www.levada.ru/sites/default/files/post-soviet_man.pdf). (in Russian)

Latova, N. (2015). Features of the social and psychological crisis state of society: from 1998 to 2015. *Russian Society and Challenges of the Time. Book Two* / Ed. by M. K. Gorshkov, V. V. Petukhov. Moscow: Ves' Mir Publ. 2015, p. 12–30. (in Russian).

Mamonov, M. V., Gavrilov, I. V. and Vyadro, M. A. (2018). Imitational features of the 2018 presidential elections and their impact on the next electoral cycle: results of public opinion polls. *Monitoring obshchestvennogo mneniya. Ehkonomicheskie i socialnye peremeny*

(Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes), 4, 124–147. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.4.08>. (in Russian)

Merzlikin, N. V., Rostovskaya, T. K. (2018). Uncertainty and Risks of Russian Reality: Demand for Change. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Politologiya. Religiovedeniye* (The Bulletin of Irkutsk State University. Series Political Science and Religion Studies), 23, 71–79. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2018.23.71> (in Russian)

Morrison, D. E. (1971). Some Notes Toward Theorg on Relative Deprivation, Social Movements, and Social Change. *American Behavioral Scientist*, 14(5), 675–690.

Nassimova, G., Abdigalieva, G. and Bassygariyeva, Zh. (2016). Features of social and political protests in Kazakhstan. *SGEM 2016 International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences and Arts*. P. 153–160.

Newton, J. W., Mann, L. and Geary, D. (1980). Relative Deprivation, Dissatisfaction, and Militancy: A Field Study In A Protest Crowd. *Journal of Applied Social Psychology*, 10(5), 384–397.

Okata, F. E. (2003). Is Iran ripe for a new revolution? United States: Monterey, California. Naval Postgraduate School.

Pautova, L. (2007). Stability – 2007: assessments of the situation in Russia. *Sotsialnaya realnost* [Social reality], 9, 34–49. (<https://corp.fom.ru/uploads/socreal/post-296.pdf>). (in Russian)

Petuhov, V. (2019). Scientific notes of the FCTAS RAS: materials of the meeting of the Academic Council (Moscow, February 2019). Vol. 2. Moscow: FCTAS RAS, (in Russian)

Russian society after the presidential election – 2018: request for change. (2018). Moscow. (http://www.isras.ru/rezyume_ros_obschestvo_2018). (in Russian)

Saxton, G. (2005). Repression, Grievances, Mobilization, and Rebellion: A New Test of Gurr's Model of Ethnopolitical Rebellion. *International Interactions*, 31(1), 87–116.

Sayles, M. L. (1984). Relative Deprivation and Collective Protest: An Impoverished Theory? *Sociological Inquiry*, 54(4), 449–465.

Smith, H. J., Pettigrew, T. F., Pippin, G. M. and Bialosiewicz, S. (2012). Relative Deprivation: A Theoretical and Meta-Analytic Review. *Personality & Social Psychology Review*, 16(3), 203–232.

Tikhonova, N. (2018). Life success and social status factors in the minds of Russians. *Vestnik Instituta Sotziologii*. [The Bulletin of the Institute of Sociology], 27, 11–43. DOI: <https://doi.org/10.19181/vis.2018.27.4.536> (in Russian)

Vadlamannati, K. (2011). Why Indian men rebel? Explaining armed rebellion in the northeastern states of India, 1970–2007. *Journal of Peace Research*, 48(5), 605–619.

Volkov, D. and Kolesnikov, A. (2017). *We're Waiting for Change. Whether there is mass demand for change in Russia?* Moscow. The Carnegie Moscow Center. (in Russian) (<https://komitetgi.ru/news/news/3902/>).